

между империей и славянами складывалось по-иному в VIII—X, в XI—XII или в XIII—XV столетиях.

Специально, но очень кратко, затрагивает Дуйчев вопрос о русско-византийских отношениях. Здесь следовало бы отметить еще военную помощь, оказанную русскими в конце 1047 г. Константинополю, осажденному мятежными войсками Льва Торника, о чем упоминает Иоанн Мавропод¹. Специального внимания заслуживал бы также вопрос о взаимоотношениях Византии с Тмутараканской Русью в XI—XII вв.

Вопрос об экономических отношениях Византии и славян, как правильно отмечает автор (стр. 41), еще недостаточно изучен. Для решения этого вопроса многого можно ждать от нумизматики и археологии; необходимо также систематизировать все спорадические упоминания славяно-византийской торговли не только в греческих и славянских, но и в восточных письменных источниках².

Дуйчев подробно останавливается на церковных связях Византии и славян [на мой взгляд, они настолько тесно переплетались с политическими отношениями, что разделение этих двух аспектов остается несколько искусственным; впрочем, и сам Дуйчев признает их связь в ряде конкретных случаев (см., например, стр. 44)], а также на влиянии Византии на литературу славян. Правильно признавая значение византийских традиций в славянской литературе, Дуйчев, по-моему, преувеличивает их влияние, когда пишет: «В средние века любой литературный памятник южных и восточных славян неотделим от византийской литературы» (стр. 51). Соответственно мне кажется несколько односторонней оценка еретического движения в славянских странах как направленного (только?) «против политического, религиозного и культурного преобладания Византии» (стр. 53).

Подробно и убедительно прослеживает Дуйчев византийское влияние на славян в области языка, в архитектуре и изобразительном искусстве, в одежде и придворном церемониале. Особо следует подчеркнуть, что Дуйчев признает влияние славян на социальные преобразования в Византии VII—VIII вв. (стр. 67).

Ценное исследование Дуйчева затрагивает почти все стороны славяно-византийских отношений. Следовало бы, впрочем, остановиться еще на судьбе славян внутри Византийской империи, а также на взаимном влиянии в сфере производительных сил. Тщательно выверенные факты и подробная библиография³ делают статью Дуйчева удобным справочником. Вместе с тем рецензируемая статья показывает, насколько недостаточно до сих пор изучены некоторые важные стороны византино-славянских и византино-русских отношений.

A. K.

G. L. SEIDLER. SOZIALE IDEEN IN BYZANZ.
 „Berliner byzantinistische Arbeiten“, Bd. 24, 1960, S. 70

Проблема идеологии византийского общества является наименее разработанным разделом марксистского византиноведения. Между тем именно в этой области западные историки развивают большую активность, стремясь рассматривать с идеалистических, даже с мистических позиций господствовавшие в Византии идеи и не обращая внимания на идеологию угнетенных классов. Поэтому нужно приветствовать появление исследования, посвященного идеологии не только господствующего класса Византии, но и антифеодальным выступлениям, скрытым в еретических движениях.

В предисловии Зейдлер (профессор истории права в Люблинском университете им. М. Кюри-Склодовской) ставит своей задачей показать с точки зрения классовой борьбы и политически-правовых институтов не только генезис идей, но и их действительность в византийском обществе.

В первой главе, озаглавленной «Восточная империя», автор пытается дать обзор исторического развития Византии. Основное своеобразие византийской истории автор видит в том, что на Западе центральная власть оказалась полностью в зависимости от крупных землевладельцев, тогда как на Востоке при наличии постоянной борьбы финансовой аристократии против землевладельческой в большой мере чувствовалось значение центрального правительства (стр. 17). Проникновение славянского элемента не только не ослабило власти правительственного аппарата, но даже укрепило его, что задержало развитие процессов феодализации на Востоке (стр. 14). «На Востоке, — пишет автор, — благодаря бдительности императоров крупное зем-

¹ I o h a n n i s E u c h a i t a r u m Metropolitae quae supersunt, ed. P. de Lagarde. «Abhandl. der hist.-philol. Cl. der Gesellschaft der Wiss. zu Göttingen», Bd. XXVIII, № 1, 1882, № 186, § 61, 66.

² См., например, о русских товарах в Анатолии XIII в.: Cl. S a h e n. Le commerce anatolien au debut du XIII-e siècle. «Mél. d'hist. du moyen âge dédiés à la mém. de L. Halfan». Paris, 1951, p. 92 sq.

³ На стр. 40, прим. 51 — не Бернштам-Коган, а Бернштейн-Коган.

левладение было на длительный срок ограничено» (стр. 13). Нам кажется такой подход несколько упрощенным. Речь шла не о борьбе против феодализации, а за разные пути феодализации. Нам кажется, что, противопоставляя развитие западной части Римской империи Востоку, автор совершенно недостаточно остановился на вопросе, как по-разному проходил кризис рабовладельческого способа производства в обеих частях империи, и почти не затрагивает важнейшего факта — относительно мощного развития товарного производства в Византии. Но именно своеобразие кризиса рабовладельческого способа производства на Востоке при наличии развитого товарного производства и является основой для объяснения специфики идеологических выступлений в Византии. Развитие гражданского права как в юстиниановом Своде законов, так и в Василиках, безусловно, следовало бы объяснить потребностями развитого товарного производства. Мало того, можно считать, что и идеи господствующей православной церкви принимались массами и вселяли в них непримиримую ненависть к католицизму именно потому, что в лице латинян (а не турок) мелкий византийский производитель товаров видел удачливых конкурентов. И поэтому вопросы об опресноках, постах в среду и пятницу, даже догмат об исхождении духа от сына становились идеями политическими.

Зейдлер идеализирует иконоборческую династию, подобно Папаригопуло, приписывая Льву III самые широкие государственные реформы. Идеологию зилотов автор анализирует вне связи с положением Византийского государства в целом. Не только борьба (по образу итальянских городов-государств) «тощего народа» против «жирного», но и проблема воссоздания централизованного государства в духе Константина Арменопула и связанная с этой идеей политика борьбы против крупных феодалов являлись важнейшими проблемами того времени. К сожалению, автор не учел новой литературы. Так, он считает сочинение Кавасилы, использованное Таффрали, еще неизданным. Между тем это сочинение издано в 1957 г. и явилось темой серьезной дискуссии.

Ряд положений Зейдлера спорен: по мнению автора, только в VIII в. Византия теряет характер рабовладельческого государства; он связывает этот переворот с выступлением павликиан.

Во второй главе Зейдлер начинает анализ византийской идеологии с обзора официальных доктрин. Основными идеями он считает положения христианской церкви о послушании властям, идею стоиков о долге правителя и восточные представления о божественности царской власти (стр. 20). Особенно подробно останавливается автор на теории божественности императорской власти. Но нужно иметь в виду, что эта теория является лишь религиозным оформлением представления о надклассовости централизованного государства. По нашему мнению, следовало бы говорить не столько о религиозных или стоических идеях, сколько о социальной демагогии, которая была в течение всей византийской истории официальной идеологией императоров и церкви. Опираясь на эту социальную демагогию, некоторые западные историки в настоящее время стараются показать надклассовый характер византийской государственности. Жаль, что автором не показана действительность византийских официальных теорий не только в Византии, но и далеко за ее пределами.

Большую часть своего труда Г. Зейдлер уделяет идеям, выдвинутым угнетенным народом. В третьей главе автор рассматривает плебейские движения и их идеологию. В основном речь идет о волнениях цирковых партий и димов, которые объясняются в духе труда П. П. Дьяконова. Далее автор останавливается на восстании Фомы Славянина, выступлениях масс при Андронике Комнине и на восстании зилотов в Фессалонике. Ярко показана революционная традиция плебейских масс Византии, но идеология их не раскрыта: слишком сложным является вопрос о идеях, которые двигали массами в различные периоды существования Византии. Можно прямо сказать, что такой идеи, которая, овладев массами, стала бы материальной силой, плебейские массы византийского города не выдвинули. Боевые идеи развивались в недрах византийской деревни, где особенно остро чувствовались удары, связанные с кризисом рабовладельческого общества и процессами феодализации в обстановке сохранения централизованного государства. Естественно было бы для автора перейти к идеям, воодушевлявшим крестьянство в его выступлениях против угнетателей. Но Зейдлер в следующей главе останавливается на скептицизме интеллигенции и на монашестве. Среди интеллигенции в Византии VI в. распространено было, по мнению автора, скептическое отношение к христианству. Этот тезис поддерживается ссылками на успех учения Симпликия в Александрии, на заинтересованность византийской интеллигенции греческой философией; автор указывает на критическое отношение к христианству у Прокопия и Агафия, которого считает абсолютно неверующим (стр. 47). Но народные массы, по мнению автора, не имели склонности к скептицизму — они скорее поддавались воздействию мистицизма (стр. 48). В дальнейшем, утверждает автор, скептицизм переходит в оппортунизм и даже в полный аморализм («моральный нигилизм») византийской интеллигенции. Как пример приводится личность Михаяла Пселла, а также «История» Никиты Хониата, который рисует полный упадок добродетелей и гражданственности в Византии XII в. Скептицизмом в отношении

к христианству веет и от учения Гемиста Плифона, который считал, что христианское учение не в состоянии укрепить государства. Касаясь распространения в народных массах идей мистицизма, автор считает, что аскетизм был не только фанатичной верой в спасение, но и проявлением социального протеста. Именно монашеская жизнь сулила для многих мнимый выход из мира нужды и насилий. Но монашество попало под влияние официальных идей церкви и стало орудием в руках угнетателей.

Наиболее подробно остановился автор на анализе идей манихейства. Пятая глава озаглавлена «Манихейский пессимизм». Манихейство, по мнению автора, является наиболее полным отрицанием всего земного, противопоставлением материального, грешного, творения сатаны — духовному началу. Это отрицание всего земного было связано с пассивным протестом против всяких политических и общественных организаций и стало популярным среди угнетенных крестьянских масс, а далее даже частично проникло в городские низы (стр. 63). Пассивное сопротивление манихеев подавлялось огнем и мечом, причем все религии того времени с одинаковым рвением преследовали манихеев. Идеи манихейства имели грандиозную притягательную силу и, несмотря на преследования, воодушевляли массы на выступления и в Византии, и далеко за ее пределами. Последняя глава посвящена революционным последователям манихейства, в число которых Зейдлер включает павликиан и богомилов. Влияние идей павликиан автор объясняет тем, что к манихейскому отрицанию существующего общественного строя павликианское учение присовокупляло социальные идеи древнего христианства, проявлявшиеся у павликиан в организации общин, сплоченных строгой дисциплиной, с полным равноправием мужчин и женщин (стр. 66).

Заканчивает свою книгу Г. Зейдлер указанием на сложность византийской идеологии, которая (вполне закономерно в условиях того времени) облекалась в богословские формулы. Сложность византийской идеологии определялась и тем, что классовые противоречия находили свое отражение в идеях, в которых сказывались «мудрость и опыт греков и римлян, скептическая пассивность Востока, юношеская мошь славян, завоевательный пыл ислама». Нужно, однако, признать, что заключительная фраза автора остается неаргументированной.

М. С.

Д. АНГЕЛОВ. БОГОМИЛСТВО В БЪЛГАРИЯ. София, 1961, 318 стр.

Книга Д. Ангелова «Богомилство в Болгарии» вышла первым изданием в 1947 г., а в 1954 г. она была переведена на русский язык¹. От первого — в общем научно-популярного — издания второе отличается очень сильно. Чтобы дать некоторое представление о том, насколько расширен материал в новом издании, сравним один небольшой раздел — тот, который посвящен антибогомилским источникам. В новом издании значительно расширена характеристика «Беседы пресвитера Космы (стр. 23—26) и сочинений Евфимия из константинопольского монастыря Перивлента², уточнены сведения о «Житии Илариона Могленского» (стр. 29), добавлены краткие сведения о ряде источников (Феодор Вальсамон и Димитрий Хоматиан, «Житие Стефана Немани» и славянская редакция «Номоканона» (1219 г.) (стр. 30 и сл.). Соответственно расширены и другие разделы.

Совершенно по-новому написан раздел о происхождении богомилства, где Ангелов дает теперь прежде всего характеристику феодальных отношений в Болгарии X в., подробно рассматривает церковно-феодальную идеологию в Болгарии того времени и оппозицию ей, детально останавливается на сохранявшихся в стране языческих верованиях. Естественно, что Ангелов уделяет большое внимание павликианам, дуалистическое учение которых оказало существенное влияние на формирование богомилства³.

Следующий раздел — «Появление богомилства в Болгарии» — отсутствовал в первом издании вовсе. В этом разделе Ангелов, в частности, полемизирует с В. Киселковым, отстаивая историчность попа Богумила (стр. 84 и сл.). Здесь же Ангелов рассматривает вопрос о социальном составе богомилства X в.: он приходит к выводу, что основную массу богомилов составляло крестьянство (стр. 95), а вождями этого антифеодального движения выступали низшие клирики (стр. 94).

¹ Д. Ангелов. Богомилство в Болгарии. М., 1954. См. рецензию Т. М. Соколовой (ВВ, X, 1956, стр. 195—202) и, особенно, предисловие З. В. Удальцовой к русскому изданию (стр. 3—25).

² См. о нем также Н. Г. В е с к. Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich. München, 1959, S. 532 f.

³ В списке литературы о павликианах (стр. 72, прим. 5) следовало бы также учесть работы Р. М. Бартияна: «Источники для изучения истории павликианского движения» (Л., 1958), «Армянские источники для изучения истории павликианского движения» («Палестинский сборник», 4; 1959) и др.